

Научная статья

УДК 340.5

DOI:10.17323/2072-8166.2023.4.56.79

Институты наследника, соправителя (преемника) и восприемника верховной власти в истории российского права (XV — начало XX вв.)

Сергей Иванович Нагих¹, Ирина Александровна Шершнева-Цитульская²

^{1,2} Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20,

¹ snagikh@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3026-8094>

² itsitulskiaia@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2417-1130>

Аннотация

В статье ставится задача исследовать отечественный историко-правовой опыт регулирования механизма передачи верховной власти сквозь призму становления и эволюции институтов наследника верховной власти, соправителя (преемника) и восприемника трона. Целью исследования выступает выявление специфики правовых институтов соправителя (преемника) и восприемника трона, использовавшихся в случаях невозможности передачи верховной власти путем наследования, а также их роль, значение и место в механизме воспроизводства верховной государственной власти. Объектом исследования выступает правовой механизм передачи верховной власти в истории российского права, начиная с формирования централизованного государства и до ликвидации монархии, предметом — правовые институты наследника, соправителя (преемника) и восприемника верховной власти как самостоятельные составляющие механизма передачи верховной власти. Институты соправителя и восприемника трона рассматриваются в контексте рецепции норм позднеримского и византийского права, исследуется правовая конструкция восприемника трона, восходящая к каноническому праву. Руководствуясь формально-логическим, историческим и сравнительно-правовым методами исследования, основываясь на историко-правовых источниках, авторы делают вывод, что в праве действовал институт восприемника трона, оформившийся в законодательстве XVIII века. Восприемник трона противопоставлялся наследнику

по критерию юридического основания прав на трон; в эпоху дворцовых переворотов эти институты были разграничены и в законодательстве. В содержании института соправительства, сложившегося в России в XV веке, выявлена российская специфика, заключающаяся в сочетании признаков византийского соправительства и позднеримского преемничества. Это обуславливалось переходом в период формирования Российского централизованного государства от родового (лествичного) порядка престолонаследия к внутрисемейному (от отца к сыну), поскольку именно соправитель представлялся российскому обществу как преемник трона, выделяемый среди других наследников. В эпоху формирования абсолютизма институт соправителя (преемника) верховной власти вытесняется из сферы правового регулирования и в последующем развивается только как политический институт.

Ключевые слова

история государства и права России; Смутное время; эпоха дворцовых переворотов; институт права; наследник трона; преемник верховной власти; соправитель; восприемник трона.

Для цитирования: Нагих С.И., Шершнева-Цитульская И.А. Институты наследника, соправителя (преемника) и восприемника верховной власти в истории российского права (XV — начало XX вв.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 16. № 4. С. 56–79. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.56.79

Research article

Institutions of Heir, Co-Ruler (Successor) and Receiver of Supreme Power in History of the Russian Law (15th — early 16th Centuries)

**Sergey Ivanovich Nagikh¹,
Irina Aleksandrovna Shershneva-Tsitulskaya²**

^{1, 2} National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia,

¹ snagikh@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3026-8094>

² itsitulskaya@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2417-1130>

Abstract

The article aims to investigate the domestic historical and legal experience of regulating the mechanism of the transfer of supreme power through the prism of the formation and evolution of institutions of the heir of supreme power, co-ruler (successor) and successor of the throne. The purpose of the study is to identify the specifics of the legal institutions of the co-ruler (successor) and successor of the throne, used in cases where it is impossible to transfer the supreme power by inheritance, as well as their role, significance and place in the mechanism of reproduction of the supreme state power. The object of the study is the legal mechanism of the transfer of supreme power

in the history of Russian law, from the formation of a centralized state to the liquidation of the monarchy, the subject is the legal institutions of the heir, co-ruler (successor) and receiver of supreme power as independent components of the mechanism of the transfer of supreme power. The institutions of the co-ruler and receiver of the throne are considered in the context of the reception of the norms of Late Roman and Byzantine law, the legal structure of the receiver of the throne, dating back to canon law, is investigated. Guided by formal-logical, historical and comparative-legal research methods, based on historical and legal sources, it is concluded that in the case of a non-hereditary transfer of monarchical power in Russian law, the institution of the successor of the throne, which took shape in the legislation of the XVIII century, operated. The successor of the throne was opposed to the heir according to the criterion of the legal basis of the rights to the throne. The content of the institute of co-rule reveals the Russian specifics, consisting in a combination of signs of Byzantine co-rule and late Roman succession, which was due to the transition from the ancestral (ladder) order of succession to the family (from father to son) during the formation of the Russian centralized state. In the era of absolutism, the institution of a co-ruler (successor) of the supreme power is displaced from the sphere of legal regulation and subsequently develops only as a political institution.

Keywords

history of the state and law of Russia; Time of Troubles; the era of palace coups; institute of law; heir to the throne; successor to the supreme power; co-ruler; receiver of the throne.

For citation: Nagikh S.I., Shershneva-Tsitulskaya I.A. (2023) Institutions of Heir, Co-ruler (Successor) and Receiver of Supreme Power in History of the Russian Law (15th-early 20th Centuries). *Law. Journal of the Higher School of Economics*. vol. 16, no. 4, pp. 56–79 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2023.4.56.79

Введение

Проблема правового регулирования организации верховной государственной власти и правового статуса органов верховной власти всегда являлась предметом изучения государственного (ныне — конституционного) права, а также теории и истории права и государства. Одной из составляющих указанной проблемы является механизм передачи верховной власти от лица к лицу в различные исторические эпохи, но далеко не все аспекты его становления и эволюции в истории российской государственности получили должное научное осмысление. В частности, имеется пробел в правовой оценке передачи верховной власти в ситуациях, когда наследование российского престола было невозможно в силу обстоятельств как объективного, так и субъективного характера.

Между тем в исследованиях истории отечественного государства и права сложилась традиция, в силу которой при изучении дооктябрьского периода российской истории используется категория «наследник верховной власти» в отношении лица, восходящего на трон, независимо от юридического основания смены персоналий на троне. Однако при рассмотрении событий, связанных с переломными эпохами в истории

российской государственности — Смутного времени, эпохи дворцовых переворотов, Февральской революции 1917 года, в ходе которых происходила смена персоналий верховной власти отнюдь не на основании престолонаследия, — использование категории «наследник верховной власти» вряд ли юридически оправдано. Здесь ощущается пробел в правовом осмыслении подобных ситуаций, возникавших в истории российской государственности не единожды, но не получивших еще категориального закрепления в отечественной историко-правовой науке.

В статье предпринимается попытка правового анализа ситуаций, возникавших при передаче верховной власти в истории дореволюционной России при наследовании трона и при отсутствии оснований для его наследования, посредством формально-логического, исторического и сравнительно-правового методов исследования.

Целью исследования выступает изучение роли, значения и места правовых институтов наследника и восприемника трона, а также института соправителя (преемника) в регулировании механизма передачи монархической власти в России дооктябрьского периода, выявление специфики применения указанных институтов в отечественной истории. Объектом исследования выступает правовой механизм передачи верховной власти от лица к лицу в период XV — начала XX вв.; предметом исследования являются непосредственно институты наследника, соправителя (преемника) и восприемника верховной власти как обособленные правовые институты в механизме передачи верховной власти в дооктябрьский период российской истории.

1. Институты наследника трона и соправителя (преемника) в механизме передачи верховной власти в XV–XVII вв.

В исследованиях истории отечественного права относительно рассмотрения проблем замещения персоналий на троне устойчиво используется категория «наследник верховной власти» («наследник престола»), и крайне редко можно столкнуться с иными категориями, например, категорией «преемник верховной власти», которая в отечественных исследованиях используется в значении правопреемства при занятии трона, но, как правило, не обозначает самостоятельного правового института. Категория «восприемник верховной власти» («восприемник трона») и вовсе не применяется в рамках отечественных историко-правовых исследований.

Состояние понятийного научного аппарата отражает глубину осмысления отечественного историко-правового опыта, поэтому не наиболее разработанным в отечественных научных исследованиях является ин-

ститут наследника престола. Изучению института преемника верховной власти отведено в современной отечественной правовой доктрине более скромное место [Коновалова Л.Г., 2020: 243]; [Сокольская Л.В., Анисимов А.П., 2020: 68]. Вследствие того, что институт преемника верховной власти не предусмотрен конституционным законодательством России, а регулируется ныне исключительно политическими нормами, он по большей части остается вне сферы интересов современных отечественных конституционалистов и теоретиков права. В исследованиях по конституционному праву категория «преемник верховной власти» («преемник президентской власти») применяется крайне редко и в основном не как правовая, а скорее как политическая категория для обозначения случаев персональной преемственности президентской власти в Российской Федерации [Авакьян С.А., 2020: 31–44]; [Кирсанов А.Ю., 2022: 113–116], и лишь в историко-правовых исследованиях она используется в правовом контексте для обозначения самостоятельного правового института, но относительно не российской, а зарубежной истории государства и права. Речь идет об изучении в отечественной историко-правовой науке механизма передачи верховной власти в Древнем Риме периода принципата (27 г. до н.э. — 285 г. н.э.) [Сердюкова Г.С., 2006: 206–211]; [Данилова В.Ю., 2018: 27–32].

В Риме выдвижение и легитимация преемника принцепса выступали в качестве юридической процедуры: кандидатура преемника публично представлялась римской общине (*civitas*) действующим принцепсом (императором), согласовывалась с Сенатом, при этом принцепс проводил официальную публичную процедуру усыновления преемника без передачи ему своего родового имени (*adoptio*) в целях подготовки к исполнению должностных обязанностей и передачи в последующем полномочий верховной власти. По сути в регулировании рассматриваемого института столкнулись два противоположных начала: республиканская правовая традиция (рассматривавшая верховную власть как порождение не *ius privatum*, а как *res publicum* — «вещь публичную») и зарождающаяся монархическая традиция (для которой свойственен наследственный принцип передачи верховной власти). Поскольку древнеримский принципат — это нетипичная форма правления, сочетавшая черты монархии и республики одновременно, традиция наследования власти оставалась чуждой республиканской культуре римских граждан, поэтому уже при первых принцепсах был выработан правовой институт преемника верховной власти, призванный обеспечить воспроизводство власти и устойчивость государственного развития. При этом, как ни парадоксально, для интересов *ius publicum* был приспособлен институт *ius privatum*.

В истории государственности Второго Рима — Византийской империи — и даже еще на этапе домината (285–476 гг.) в рамках единой Рим-

ской империи институт преемника принцепса вытесняется институтом соправителя императора. Император Диоклетиан — основатель системы домината впервые в 285 г. назначает соправителя Максимиана Грекулия в восточную часть империи без публичной церемонии усыновления и без согласования с Сенатом. Так началась история института соправительства, связанного с утверждением в Древнем Риме монархической формы правления.

В истории Византии соправителями становились чаще всего, уже по наследственному принципу дети или иные родственники правящего императора, хотя могло быть соправительство и вследствие иных семейных связей — супружества или свойства. При этом институт соправителя императора в Византии, как и преемника принцепса в Древнем Риме, выполнял главную функцию — обеспечение устойчивости политической системы империи. Разумеется, в правовом содержании этих институтов были и различия. Так, институт соправителя императора возник в условиях монархической формы правления, для его реализации царствующим монархом не требовалось подтверждение со стороны каких-либо государственных органов. Институт преемника верховной власти был порождением переходного состояния от республики к монархии, когда в Риме происходил процесс укрепления верховной власти, ее концентрации и персонификации, поэтому необходимо было узаконение статуса преемника Сенатом, формально остававшимся высшим органом государственной власти. Юридическое разграничение касалось также правового основания возникновения статуса: преемнику была необходима процедура его политического (публичного) усыновления действующим принцепсом, для назначения соправителя монарху было достаточно издать распоряжение, преемник верховной власти назначался в единственном числе, соправителей у византийского василевса могло быть одновременно и несколько.

В то же время ни правовой статус соправителя, ни статус преемника не гарантировали обязательного перехода верховной власти к конкретной персоне, иными словами, ни соправитель, ни преемник верховной власти не являлись наследниками верховной государственной должности. Их судьба зависела от расстановки политических сил, от успешности и легитимности правовой процедуры утверждения в верховной должности; оба института играли значительную роль в правовом механизме передачи высшей государственной власти и в Древнем Риме, и в Византии, если верховная государственная должность становилась вакантной.

В истории государства и права дооктябрьской России неоднократно встречается институт соправителя, рецепированный из византийской правовой культуры. По крайней мере в истории Московского княжества соправительство активно использовалось великими московскими

князьями для определения будущего наследника и представления его обществу. Так, Василий II Темный назначил в 1451 г. соправителем своего сына Ивана III, дав ему как соправителю титул Великого Московского князя¹. Этот правовой институт укоренится в российском праве и будет использоваться во второй половине XV–XVII веках², затронув периоды правления нескольких поколений великих московских князей, а с 1547 г. — и царей, эволюционировав к концу XVII в. в «двоецарствие» Петра I и Ивана V (1682–1696 гг.).

В целом институт соправителя в период складывания Российского централизованного государства можно рассматривать через призму категории «преемник верховной власти», поскольку на этом этапе происходит переход от лестничной формы наследования престола к наследованию внутрисемейному — от отца к сыну. В связи с этим царствующий великий князь выбирал политического преемника на троне между тем, кто мог быть наследником по отцу, и тем, кто мог им быть по старшинству в великокняжеском роду. Выбирая политического преемника, великий Московский князь объявлял его своим соправителем, представляя Боярской Думе, т.е. наделял своего преемника правовым статусом. Таким образом он упрочивал политическое положение своего избранника и указывал на его возможность стать наследником престола при том, однако, что соправитель — это не наследник и автоматически стать таковым он в обход других возможных претендентов на наследование Великого Московского княжения после смерти правящего монарха не мог. В отличие от Византии, в российском варианте соправитель назначался, как правило, в единственном числе, что сближало его с правовой конструкцией института преемника верховной власти, выявленного на материалах истории Древнего Рима. В этом отношении показательно правление Ивана III (1462–1505 гг.), который менял соправителей, выбирая между внуком от старшего сына (Дмитрием Ивановичем) и младшим сыном (Василием Ивановичем). Дмитрий Иванович утратил статус соправителя и подвергся опале еще при жизни Ивана III, и соправителем был назначен Василий Иванович, который в итоге получил престол, став великим Московским князем Василием III [Каштанов С.М., 1967: 168].

В период сословно-представительной монархии институт соправителя в российском варианте сопрягается с институтом наследника трона,

¹ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 12: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1901. С. 76.

² В литературе есть мнение, что институт соправителя был известен еще Древней Руси в форме «братского» и «династического» соправительства. См.: Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В., 1995: 60–62.

ибо соправителем во второй половине XVI–XVII вв. чаще всего становится старший сын царствующего монарха, которому затем и передается трон как наследнику после смерти отца. В целом анализ показывает, что российский институт соправительства можно рассматривать как вариант правового института преемника верховной власти, который, однако, по сей день остается «в тени» престолонаследия и не рассматривается в историко-правовых исследованиях как самостоятельный институт в механизме передачи верховной власти в России. Почему сложилась такая ситуация?

Как уже отмечалось, правовой механизм передачи верховной власти от лица к лицу в истории российской государственности давно стал объектом изучения правоведов в целом, и историков государства и права в частности. Целая плеяда отечественных дореволюционных государствоведов как консервативного, так и либерального направлений разрабатывала проблемы правового регулирования престолонаследия в России³, в первой половине XX века исследовательскую работу продолжили российские правоведы первой волны эмиграции⁴, в Советской России в силу политических условий изучение подобной проблематики не приветствовалось.

В трудах правоведов XIX — первой половины XX вв. рассматривались правовые аспекты замещения российского трона до принятия Указа о престолонаследии Павла I от 1797 г. и после него, было выработаны представления о специфике режима наследования российского престола, правах и обязанностях наследников престола и их очередности при наследовании трона, были изучены основания наследования и отказа от участия в престолонаследии. Недостаточной оставалась разработка проблем, связанных с нарушением порядка престолонаследия при дворцовых переворотах, в случае пресечения правящей династии или отречении династии от трона. Несмотря на обилие работ, оставленных отечественными дореволюционными авторами и соотечественниками в эмиграции первой половины XX века, следует признать, что в них (за редким исключением [Тихомиров Л.А., 1998: 415–420]; [Зазыкин М.В., 1924: 16–17]) не использовалась категория «преемник верховной власти».

³ Среди них специализированные труды таких ученых, как А.Д. Градовский «Начала русского государственного права» (1875), Н.М. Коркунов «Русское государственное право» (1899), С.А. Котляревский «Юридические предпосылки русских основных законов» (1912), Н.И. Палиенко «Основные законы и форма правления в России» (1910), Л.А. Тихомиров «Монархическая государственность» (1905) .

⁴ Эти традиции были продолжены в исследованиях зарубежных авторов русского происхождения в первой половине XX в.: Н.Н. Корево «Императорский Всероссийский Престол. Наследование Престола по Основным Государственным законам: Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия» (Париж, 1922.), М.В. Зызыкина «Царская власть и закон о престолонаследии в России» (София, 1924).

В самой России лишь в начале XXI века в сегменте историко-правовых исследований был проявлен интерес к изучению механизма передачи верховной власти в дореволюционный период [Шайрян Г.П., 2017: 131–132]; [Балковая В.Г., 2019: 20–24]; [Хутарев-Гарнишевский В.В., 2021: 110–137]. Ныне историки государства и права активно изучают проблемы правового регулирования престолонаследия в дореволюционной России [Шайрян Г.П., 2014: 4–5]; [Хутарев-Гарнишевский В.В., 2021: 110–137], исторические типы престолонаследия и механизм реализации права на престолонаследие [Томсинов В.А., 2009: 152–179]; [Мельников С.А., 2010: 4–15]; [Закатов А.Н., 2019: 269]; [Плотникова О.А., 2007: 107–110], статус монарха в Российской империи [Староверова Е.В., 2009: 99–107]; [Балковая В.Г., 2019: 20–24]. В последние годы пристальное внимание было обращено на изучение юридических аспектов отречения Николая II от трона, в том числе и возникшие в связи с этим проблемы преемства верховной власти, породившие политический кризис Февраля 1917 года [Ларионова Д.А., 2020: 45–53]; [Диунов М.Ю., 2022: 16–27].

В историко-правовых исследованиях начала XXI в. сделан значительный шаг в изучении правового механизма передачи верховной власти, поскольку был систематизирован и проанализирован значительный правовой материал, позволяющий детально изучить статус верховной власти в дореволюционной России, дана правовая оценка институтам верховной власти и механизма ее передачи в различные исторические эпохи развития отечественной государственности. Особое внимание было обращено на замещение российского престола при отсутствии оснований наследования верховной власти, однако правовые категории для обозначения ситуации замещения престола при отсутствии наследования так и не выработаны. Вместе с тем введенные в научный оборот и проанализированные отечественными авторами историко-правовые источники позволяют выдвинуть тезис о необходимости использовать при изучении механизма передачи верховной власти в дооктябрьский период не только категорию «наследник трона», но и иные правовые категории («восприемник трона», «преемник верховной власти») в отношении случаев ненаследственного перехода верховной власти.

2. Институты наследника и восприемника верховной власти в российской государственности (доимперский и имперский периоды)

Наследник верховной власти как правовой институт, исторически возникший первоначально в рамках частного, а не публичного права, предполагал наличие определенных юридических оснований для пере-

дачи прав и обязанностей от наследодателя наследнику. Наследование верховной власти возможно лишь при монархии как форме правления по закону (правовому обычаю) или по завещанию, а в феодальную эпоху формирование такого подхода в русском праве было тесно связано с обладанием вотчинным землевладением. Любой вотчинник и есть персонифицированная верховная власть в пределах вотчины, а сама вотчина — родовое наследуемое земельное владение, которым конкретный владелец может распоряжаться с учетом родовых ограничений.

Передача верховной власти в феодальную эпоху вытекала из принятия наследства внутри рода преимущественно по мужской линии с переходом прав на родовую вотчину (домен) и связанный с ней родовой титул (княжение), в который включались не только правомочия владельческого характера, но и правомочия по осуществлению верховной власти в отношении населения вотчины. В целом подобный подход можно наблюдать и на примере западноевропейского права: к примеру, у франков согласно Салическому закону *Lex Salica* власть в династии Меровингов передавалась через наследование аллода старшим мужчиной в роду⁵, в который входила вся земля Франкского королевства вместе с политической властью над населением [Неусыхин А.И., 1974: 68–69].

Изучая проблему формирования механизма передачи верховной власти в феодальную эпоху, можно прийти к выводу о том, что она закономерна связана с частноправовым началом регулирования земельных отношений в высшем сословии феодального общества. Сам институт наследования верховной власти лишь впоследствии перейдет в разряд публично-правовых институтов по мере отделения общественных отношений, связанных с осуществлением верховной власти, от отношений владения земельным участком как объектом частных прав. Несомненно, этот переход синхронизируется с эпохой абсолютизма как исторически последней формой феодального государства.

В вопросах передачи землевладения и связанных с ним полномочий верховной власти в раннефеодальном государстве на землях Руси наследование происходило по родовому (лествичному) принципу. Это порождало политическую борьбу за княжеские владения, часто переходящую в вооруженные конфликты, чему немало примеров в истории Древнерусского государства, удельной Руси и Московского государства в эпоху его формирования. В частности, описанным способом из числа наиболее прославленных в истории Древней Руси правителей пришли к власти киевские князья Владимир Святославич и Ярослав Мудрый, получил киевское княжение Андрей Боголюбский.

⁵ Салическая правда. Ученые записки Моск. гос. пед. ин-т им. Ленина. Т. LXII. М., 1950. Титул LIX.

Как показывают исторические факты, и до утверждения принципа передачи верховной власти от отца к сыну далеко не во всех случаях княжеская власть наследовалась. Можно указать на альтернативные наследованию процедуру избрания князя с приглашением его править городскими вече и насильственный захват власти с игнорированием правовых обычаев наследования княжеского домена [Плотникова О.А., 2007: 107–110]; [Мельников С.А., 2009: 103–105]. Избрание князя городским народным собранием закрепится в Новгороде и Пскове, став основой формирования феодальных республик, хотя такая процедура передачи верховной власти применялась при необходимости и в Киеве, и в других городских центрах Древнерусского государства [Сергеевич В.И., 1910: 142–155].

Насильственный захват верховной власти рассматривался средневековой правовой культурой как легитимный способ воспроизводства власти, хотя и не связанный с наследованием и в целом нарушающий древние правовые обычаи передачи власти по внутриродовому старшинству, но базирующийся на новых — феодальных правовых обычаях, постепенно вытеснявших правовые обычаи родового строя. Правда, всеми указанными способами перехода власти от лица к лицу могли пользоваться исключительно представители правящей династии Рюриковичей или иных княжеских династий Древней Руси, но не выходцы из других социальных групп.

По рассматриваемой проблеме интересна для юридического анализа эпоха Смутного времени, когда наследственный принцип передачи верховной власти, основанный на кровном родстве, был поколеблен. Во-первых, пресеклась правящая династия Рюриковичей и возник династический кризис, а во-вторых, появились «узаконенные» самозванцы на троне. Правовая ситуация, возникшая после смерти Федора Ивановича — последнего прямого потомка династии Рюриковичей по мужской линии, — не позволяла использовать конструкцию наследования верховной власти, сложившуюся в России в XV–XVI вв. Однако в реалиях конца XVI — начала XVII вв. создавалась возможность закрепить в российском праве институт преемника верховной власти, не связанного с правящей династией кровнородственными отношениями, и выработать процедуру участия сословий в выдвижении кандидатов на престол и их легитимации во власти. По сути, использование такого механизма воспроизводства верховной власти посредством выборов новой правящей династии являлось рецепцией византийской государственно-правовой традиции, заключавшейся в применении процедуры выборов очередного кандидата на императорский трон, в том числе и преемника предшествующего императора армией, Сенатом и народом Константинополя [Величко А.В., 2014: 185].

В правосознании российского общества к этому моменту уже укоренился наследственный принцип передачи верховной власти, поэтому Земские соборы, созывавшиеся между 1598 и 1613 гг. при избрании новых правящих династий, исходили из кровнородственных (Романовы, Шуйские) или семейных (Годуновы) связей боярских родов с Рюриковичами. Если невозможно было найти прямых кровных потомков династии по мужской линии, то в ход шли связи по свойству, главное — любые семейные связи с Рюриковичами. Отчетливо этот подход прослеживается в содержании Утвержденной грамоты 1613 г., которая именует Михаила Романова «природным государем», указывая на связь рода Романовых с династией Рюриковичей, и закрепляет трон за его потомками⁶. Однако хотя и в обосновании прав на престол больший успех имели кандидаты, близкие к Рюриковичам по семейным связям, тем не менее юридически наследниками престола они не являлись, но могли рассматриваться как восприемники трона, поскольку трон передавал не предшественник, а очередной Земский собор.

Явление самозванства на троне стало побочным продуктом династического кризиса конца XVI в., ибо легкость, с которой Лжедмитрию I поверило общество, базировалась на незыблемом в правосознании эпохи династическом праве замещения престола по кровному родству. При этом как только обществу был предъявлен кандидат, утверждавший о более близком кровном родстве с Рюриковичами, нежели Годуновы или Шуйские, его права на трон были восприняты как бесспорные и преимущественные по отношению к другим возможным кандидатам. Как только улеглись волны Смутного времени, политическая система стабилизировалась, и при первых правителях династии Романовых наследование верховной власти вновь стало осуществляться на основании правового обычая, сложившегося до Смутного времени: от отца к сыну с учетом старшинства, отстраняя женщин и их потомство от наследования трона. Эта система продержится до конца XVII века, когда начнется переход к абсолютизму, сломавшему сложившиеся ранее традиции престолонаследия.

В дальнейшем в российской истории наблюдалось наследование верховной власти не только на основании правового обычая, но и по завещанию (эпоха дворцовых переворотов), и по закону (Российская империя после Павла I). Однако если рассуждать логически, наследование верховной власти происходило лишь в силу факта смерти наследодателя и принятия верховной власти вкупе с другим имуществом как наследственной массы надлежащим лицом. Если монарх, занимавший трон, не

⁶ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 45.

умирал, а был насильственно отстранен от власти или добровольно отрекся от трона, и по этой причине должность оказалась вакантной, либо преемник на троне, занявший его после смерти очередного российского монарха, не имел наследственных династических прав, то категория «наследник верховной власти» уже вряд ли применима к таким ситуациям. Поэтому закономерен вопрос: насколько корректно в этом случае именовать монархов, восходящих на трон, наследниками, и насколько легитимной была процедура передачи власти в эпоху дворцовых переворотов в отношении Екатерины I и Екатерины II, Елизаветы Петровны и Анны Иоанновны?

Например, Екатерина I взошла на трон в отсутствие необходимого формального юридического документа — императорского завещания⁷. В этом случае правомерным было бы допустить наследование по закону [Томсинов В.А., 2009: 158–159], поскольку завещание отсутствовало, и одним из вариантов было бы применение Указа о единонаследии 1714 г.⁸ Если же Сенат признал бы его в данном случае не подлежащим применению, то наследование трона могло быть осуществлено на основании сложившегося в допетровскую эпоху правового обычая. Правда, в обоих случаях ни супруга, ни обе незаконнорожденные дочери Петра I, хотя и узаконенные последующим браком родителей, наследовать трон не могли при живом наследнике по мужской линии — сыне царевича Алексея внуке Петра I Петре Алексеевиче, чьи права на трон юридически в сложившейся ситуации были более основательны.

Однако правовой порядок передачи наследства по закону (либо правовому обычаю) игнорируется членами Верховного Тайного совета. Власть передается с полным забвением сложившихся принципов наследственного права супруге покойного императора на том основании, что она была коронована и миропомазана как супруга российского императора и не являлась ни соправителем, ни наследником по завещанию в силу отсутствия такового⁹, а значит не имела права на наследование трона, но заняв его, приняла императорскую власть, не будучи наследницей трона. В Манифесте о кончине императора Петра I и вступлении на престол императрицы Екатерины I права новой императрицы обосновываются тем, что она была коронована и ей присягнули Правительствующий Сенат и Святейший Синод, и в тексте Манифеста она

⁷ Именной указ «О праве наследия престолом» / Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 3893.

⁸ Именной указ «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» / Полное собрание законов Российской империи. № 2789.

⁹ 7 мая 1724 г. Екатерина Алексеевна (Марта Скавронская) была венчана на царство императорской короной.

не называется наследницей¹⁰. Таким образом, если передача верховной власти по свойству имела место в эпоху Смутного времени, то передача трона по супружеству стало новым «прецедентом» в государственном праве Российской империи. Супружество станет одним из оснований передачи трона и Екатерине II в 1762 году.

Еще более запутанной видится ситуация с правовым регулированием порядка наследования верховной власти после составления Екатериной I своего завещания — «Тестамент», которым она назначала наследником Петра II — внука Петра I и устанавливала порядок престолонаследия на тот случай, если Петр II, находясь на троне, не оставит потомков. Создается уникальная для российского права ситуация: по названию и назначению акт можно причислить к завещаниям, а значит, к юридическим актам частного права, но содержание не дает возможности считать его таковым, поскольку, с одной стороны, касается наследования верховной императорской власти, с другой, «Тестамент» выходит за рамки частного правового акта, содержит новые правовые нормы, и может рассматриваться в качестве закона о престолонаследии.

В частности, в п. 8 «Тестамент» вводится порядок наследования трона в случае смерти Петра II не до, а после венчания его на царство при отсутствии у него прямых потомков. Если бы это касалось перехода прав к другим наследникам в случае смерти до венчания внука Петра I на царство, то можно было бы вести речь об использовании института поднаследника (*substitutio*) по завещанию, т.е. института частного по своей природе права, но установление норм относительно перехода прав к иным лицам, пусть и относящимся к роду Романовых, в случае смерти действующего императора явно ограничивает венчанного на царство Петра II, который имел право, вступив в совершеннолетие и заняв трон, самостоятельно составить завещание, выразив собственную волю.

При возведении на трон Петра II текст «Тестамент» публикуется в Манифесте о восшествии на престол в виде приложения к акту¹¹. Одновременно было дано предписание изъять Устав Петра I «О праве наследия престолом» из учреждений Российской империи наряду со всеми остальными актами, связанными с делом цесаревича Алексея — отца Петра II¹². В связи с этими фактами встает вопрос: если «Тестамент»

¹⁰ Манифест О кончине императора Петра I и о вступлении на престол императрицы Екатерины I / Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4643.

¹¹ Тестамент, блаженной памяти, Императрицы Екатерины I / Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 5007.

¹² Именной указ, состоявшийся в Верховном тайном совете «Об отобрании манифестов, выданных из бывшей Розыскной канцелярии» / Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 5131.

Екатерины I являлся по юридической природе нормативным правовым актом, то можно ли полагать, что он заменил Устав Петра I «О праве наследия престолом»? Или все же екатерининский «Тестамент» имел частноправовую природу, а стало быть, он может являться исключительно актом реализации права, в силу чего нет оснований сомневаться в действии на тот момент Устава Петра I «О наследии престолом» от 1722 года, установленного именным указом императора?

Приглашенная на трон Верховным тайным советом племянница Петра I Анна Иоанновна подтвердит Манифестом от 17 декабря 1731 г. норму петровского Устава 1722 г. о назначении наследника верховной власти по воле действующего императора¹³. Представляется, что в данной ситуации новая императрица восстановила правовой порядок, поскольку любое завещание, даже императорское, все же не является по юридической силе законодательным актом. Его природа была частноправовой, и это — акт реализации права. Любой манифест о восшествии на трон также имел ограниченный срок действия и обязателен был лишь в правление императора, издавшего его, но другого монарха он не обязывал к признанию и исполнению. Монарх, вступающий на трон, мог отменить его нормы или внести изменения собственным манифестом, в то время как многие именные указы (как и уставы) по своей юридической силе близки к современному пониманию закона как нормативно-правового акта, рассчитанного на постоянное применение, если иное не было предусмотрено в тексте самого акта. Поэтому полагаем, что считать Устав Петра I от 1722 г. «О праве наследия престолом» отмененным Манифестом Петра II о восшествии на престол неправомерно, скорее, можно вести речь о приостановлении его действия (признания недействующим) в правление Петра II [Закатов А.Н., 2019: 240–242].

Елизавета Петровна, занявшая трон в результате дворцового переворота, отстранила наследника, назначенного Анной Иоанновной в 1740 году — Иоанна VI¹⁴, объявив Манифестом от 28 ноября 1741 г. о восстановлении своего права на престол. Она апеллировала к «Тестamentу» Екатерины I как юридическому акту, устанавливающему права на престол старшей дочери Петра I — Анны и ее наследников¹⁵. Щекот-

¹³ Манифест «Об учинении присяги в верности Наследнику Всероссийского престола, который от Ея Императорского Величества учинен будет» / Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII. № 5909.

¹⁴ Манифест, сочиненный графом Остерманом о назначении императрицею Анною принца Иоанна наследником русского престола / Законодательство Анны Иоанновны / сост. и авт. вступ. статьи Томсинов В.А. М., 2009. С. 232–233.

¹⁵ Манифест «О вступлении на престол государыни императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права ее

ливый момент о праве на престол своего племянника, принца Шлезвиг-Гольштейнского Карла-Петра-Ульриха (будущего Петра III), Елизавета обходит ссылкой на религиозную принадлежность российского монарха, который должен состоять в православии (принц на тот момент был лютеранином). Тем самым создавалась уникальная правовая ситуация: акт правоприменения («Тестамент» Екатерины I) был поставлен по юридической силе выше Устава Петра I и Манифеста Анны Иоанновны. Незаконнорожденная дочь Петра I Елизавета Петровна могла обосновать свое право на престол только через завещание своей матери Екатерины I, остальное решили расстановка политических сил и симпатии дворянства.

В истории воцарения Екатерины II вообще не наблюдается правовых «зацепок» для наследования ею верховной власти. Максимум, на что она могла претендовать — регентство до совершеннолетия Павла I. По юридическим основаниям именно сын Петра III и Екатерины II и должен был взойти на трон вследствие отречения императора на основании закона (действовавшего петровского Указ о единонаследии 1714 г.). Но уже был «прецедент» назначения на трон Верховным тайным советом Екатерины I как супруги императора. В 1762 году российское дворянство уже не видело ничего противоправного в том, чтобы посадить на трон супругу отрекшегося Петра III как наиболее удобную для дворянского сословия кандидатуру.

Итак, очевидно, что все вышеупомянутые императрицы юридически не могли именоваться наследницами верховной власти. Тем не менее фактом остается их правление и пребывание на троне в обход института наследования по завещанию, закрепленного Уставом Петра I «О праве наследия престолом». Впрочем, они и сами это осознавали. В тексте манифестов о восшествии на трон и Екатерина II, и Елизавета Петровна, и Анна Иоанновна именуют себя не наследницами, а «восприемницами» трона¹⁶. Этот аспект показателен, ибо указывает на отсутствие оснований наследования при вступлении указанных лиц на трон.

Анализ текстов манифестов о восшествии на престол императоров и императриц эпохи дворцовых переворотов приводит к выводу о том, что

величества на российскую корону» / Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. № 8476.

¹⁶ Манифест, изданный Верховным тайным советом «О кончине Императора Петра II, и о восприятии Российского престола Государынею Царевною, Анною Иоанновною» / Полное собрание законов Российской империи. Т. XV. № 11390; Высочайший Манифест о вступлении на Всероссийский Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, и об учинении присяги / Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. № 7997; Манифест «О вступлении на престол Императрицы Екатерины II» / Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIV. № 17530.

в рассматриваемый период терминологически произошло разграничение категорий «наследник престола» и «восприемник престола». Толкование текстов дает возможность предположить, что критерием разграничения выступало именно юридическое основание прав претендента на трон. По крайней мере, в правовых текстах эта тенденция устойчиво проявляется, значит, можно вести речь о зарождении в российском праве нового института в механизме передачи верховной власти, отличного от наследования верховной власти.

К примеру, в вышеупомянутом Манифесте от 25 ноября 1741 г. терминологически разграничиваются наследник престола, которым назван внук умершей императрицы Анны Иоанновны, и восприемница престола: Елизавета Петровна, утверждая Манифестом права на отеческий престол, указывает, что она его «воспрять соизволили»¹⁷.

Если обратиться к происхождению термина «восприемник», то следует признать, что конструкция «восприятия» (принятия) трона в значении правопреемства верховной власти в российское государственное право была реципирована из византийского церковного права¹⁸, в рамках которого «восприемником» именовали лицо, принимающее от купели новообращенного в христианство мирянина при проведении таинства святого крещения. Второе значение термина «восприемник» в каноническом (церковном) праве — представитель при крещении, т.е. лицо, принимающее новообращенного христианина под покровительство после проведения таинства крещения¹⁹.

Термин «восприемник престола» мог появиться в светском законодательстве Российской империи в связи с переносом конструкции восприемника при таинстве крещения на таинство миропомазания кандидата на трон. Миропомазание, предшествовавшее венчанию на царство, придавало в православной традиции новый церковно-государственный статус лицу, восходившему на трон, легитимировало власть нового монарха перед обществом, даже если очередной кандидат не имел наследственных прав на трон. Для обряда миропомазания и процедуры венчания на царство в византийской традиции не имело значения наличие или отсутствие наследственных прав на престол, это требования российского государственного права. Главное условие для восприемника трона — быть в лоне

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. № 7997.

¹⁸ Восприемничество в церковном обряде крещения как институт канонического права было закреплено 53-м правилом Трулльского собора (681).

¹⁹ Петровский А.В. Восприемники // Православная богословская энциклопедия. Том 3. Стлб. 1000 / Приложение к духовному журналу «Странник» за 1902 г. Available at: URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaja-bogoslovskaja-jenciklopedija/tom-3/vospriemniki.html> (дата обращения: 6.10.2023)

православной Церкви; при иных обстоятельствах стать православным монархом — «помазанником божьим» — было невозможно²⁰.

Институт восприемника трона отсылает исследователя к реалиям замещения трона в Византии, откуда родом большинство правовых институтов церковного права. Во Втором Риме не столь важна была связь по кровному родству при наследовании трона, но в расчет могли приниматься и свойства, и супружеская связь, да и перевороты со сменой династии были достаточно частым явлением. При этом венчание на царство и миропомазание претендента на императорский трон, которому предшествовала легитимация в виде избрания претендента Сенатом и народом Константинополя, снимали все вопросы об отсутствии наследственных прав, и кандидат становился восприемником престола по праву священных канонов и воле народа.

Справедливости ради следует отметить, что в XVIII в. была предпринята попытка укоренения практики передачи верховной власти в Российской империи по завещанию монарха. При этом преемник как будущий наследник трона официально представлялся двору, что, однако, не гарантировало уму передачи трона после смерти предшественника. Представляется, что в эпоху дворцовых переворотов преемник (он же наследник по завещанию) не являлся правовым институтом, а возник как институт политический. Так, Екатерина I назвала наследником по завещанию (преемником) Петра II, Анна Иоанновна представила российскому дворянству своего преемника — племянника Иоанна VI как наследника по завещанию, а права регентства возложила на его мать — Анну Леопольдовну. Аналогично поступила и бездетная Елизавета Петровна, представившая двору наследника — будущего Петра III, обеспечив тем самым преемство верховной власти. В сущности как преемник трона жил при Екатерине II и будущий император Павел I, иначе, как уже отмечалось, венчан на царство он должен был с момента отречения Петра III как наследник, а Екатерина II могла быть в крайнем случае регентшей при малолетнем императоре.

Возможно, если бы не Указ о престолонаследии от 5 апреля 1797 г.²¹, в дальнейшем политический институт преемника верховной власти мог развиваться, но переход к престолонаследию на основании закона уничтожил условия возможной эволюции в указанном направлении. Однако,

²⁰ Это требование до XIX в. существовало в рамках канонического права, с созданием Основных законов Российской империи было закреплено в ст. 63 т.1 Свода государственных законов Российской империи издания 1832 года.

²¹ Акт, Высочайше утвержденный в день священного коронования Его Императорского Величества и положенный для хранения на престол Успенского собора / Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIV. № 17910.

с другой стороны, нельзя не признать, что определение законом порядка престолонаследия, в сущности, исключало политическую неустойчивость при смене персоналий верховной власти и давало возможность подготовить к обязанностям наследника трона с детства. Но «ловушкой» законного порядка престолонаследия оставалась проблема слабого и неспособного к управлению огромной империей наследника. В нее и попала российская государственность в начале XX века.

Революционные изменения начала XX века снова поставили на повестку дня вопрос об институте восприемника верховной власти в связи с отречением от престола Николая II за себя и цесаревича Алексея и последовавшего затем отказа Михаила Романова принять освободившийся престол. В акте об отречении Николай II был вынужден назвать восприемника, поскольку, отрекаясь за себя и несовершеннолетнего наследника цесаревича Алексея, монарх нарушал очередность наследования престола, передавая трон своему брату великому князю Михаилу Романову. Михаил не мог стать легитимным наследником по российскому законодательству о престолонаследии, поскольку отречение Николая II за несовершеннолетнего наследника, к которому должен был перейти трон, не предусматривалось Основными государственными законами.

Отказ Михаила Романова вступить в права престолонаследия и отсутствие иных заявлений о праве на трон со стороны наследников по закону из других ветвей царствующей династии²² и породили политический кризис Февраля 1917 года. Вместе с тем, отказываясь занять трон в связи с отречением действующего императора, великий князь Михаил Романов в тексте своего Манифеста от 3 марта 1917 г. вновь вспоминает институт восприемника верховной власти, использовавшийся в законодательстве XVIII в.: «Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»²³. Но история распорядилась иначе, и в России 1 сентября 1917 г. была провозглашена республика, а институты соправителя (преемника), наследника и восприемника трона ушли в прошлое.

²² Основные государственные законы Российской империи. Т. 1. Свод основных государственных законов Российской Империи. СПб., 1906. Ст. 28–30.

²³ Акт (Манифест) отречения Михаила Александровича Романова от престола. 3 марта 1917 г. / Архив новейшей истории России. Т. III; Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи: Сборник документов и материалов / отв. ред. и сост. В.М. Хрусталева. М., 2001. С. 51.

Заключение

В исследованиях историко-правового материала правового механизма передачи верховной власти дореволюционной эпохи существуют пробелы: до сих пор не созданы специальные труды правоведов о рецепции института соправительства, неисследованным является институт восприемника трона. Но если институт соправителя известен отечественным исследователям, институт восприемника трона пока не стал объектом научного интереса. В настоящей статье он выделен как самостоятельный правовой институт в механизме престолонаследия Российской империи.

Институт восприемника верховной власти (восприемника трона) обладает признаками, отличающими его от наследника трона, поскольку восприемник не обязательно является кровным родственником царствующего монарха. Он получает трон не на основании наследственного правоотношения, а в силу отречения предшествующего монарха либо насильственного завладения троном с отстранением наследников верховной власти от принятия трона. Восприемник трона не получает власти как наследник — по закону или воле правопредшественника (завещанию), — он ее приобретает в силу обряда миропомазания и процедуры венчания на царство, поэтому категория церковного права была использована в государственном законодательстве Российской империи для легитимации власти монархов в период дворцовых переворотов. Указанные признаки и соответствующая терминология в законодательстве Российской империи позволяют выявить правовой институт восприемника верховной власти как устойчивое правовое явление, отразившееся в законодательстве XVIII века.

Институт соправителя, существовавший в эпоху формирования Российского централизованного государства и сословно-представительной монархии и реципированный из византийского права, в XV — первой половине XVI вв. использовался в Московском княжестве для назначения преемника верховной власти, чтобы затем передать ему трон как наследнику после смерти царствующего монарха. Объединение в институте соправителя признаков преемника верховной власти и наследника верховной власти было порождением эпохи, в которую происходил переход от родового (лестничного) порядка наследования к феодальному принципу от отца к сыну, создававшей возможность царствующему монарху выбрать претендентов на престолонаследие в Московском княжестве. В сословно-представительной монархии институт соправителя уже играл в большей степени политическую роль, но по традиции использовался чтобы укрепить политические позиции наследника царствующего монарха.

Вновь институт преемника верховной власти, но уже в качестве политического, а не правового института, можно встретить в период дворцовых переворотов при назначении царствующим монархом наследника по завещанию с последующей церемонией его представления двору. В данном случае юридически монархом определялся наследник по завещанию, который мог реализовать свои права лишь после смерти наследодателя. Дворянству представляли его как политического преемника царствующего монарха, выбранного из ряда других претендентов, имевших права на получение престола по наследству.

Настоящее исследование не претендует на всеобъемлющий характер ответов на поставленные вопросы, связанные с изучением механизма воспроизводства верховной власти в дореволюционной России, а представляет попытку рассмотреть отдельные правовые аспекты ненаследственного занятия трона российскими монархами, выявить в механизме передачи верховной власти до Октября 1917 года правовые институты, отличные от института наследника верховной власти. Рассмотренные в статье правовые институты требуют более пристального внимания и дальнейшего изучения отечественной историко-правовой наукой.

Список источников

1. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции РФ: грядет ли раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44.
2. Александров Д.Н., Мельников С.А., Алексеев С.В. Очерки истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX–XV вв. М.: Мосты, 1995. 114 с.
3. Величко А.В. Единоличная власть и византийское «многоцарствие» // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 1. С. 182–197.
4. Балковая В.Г. Становление института главы государства в государственном праве дореволюционной России // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 4. С. 20–24.
5. Данилова В.Ю. Тацит и Плиний Младший об усыновлении императоров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 3. С. 27–32.
6. Диунов М.Ю. Оценка законности отречения Николая II // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 2. С. 16–27.
7. Закатов А.Н. Проблема обеспечения преемственности верховной власти в царствование императрицы Екатерины II Великой / Екатерина Великая — Великой России. К 255-летию Вольного экономического общества России /отв. ред. Бодрунов С.Д. М.: Академия менеджмента и бизнес-администрирования, 2019. С. 240–246.
8. Зызыкин М.В. Царская власть и Закон о престолонаследии в России. София: Новая жизнь, 1924. 190 с.

9. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М.: Наука, 1967. 392 с.
10. Кирсанов А.Ю. О поправках к Конституции Российской Федерации: pro et contra // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 113–116.
11. Коновалова Г.Н. Нормативные правовые договоры и нормоориентирующие акты судов как новые источники российского права: анализ через призму принципа верховенства закона // Вестник Томского университета. Право. 2020. № 3. С. 241–246.
12. Ларионова Д.А. Отречение Николая II: историко-правовой анализ // Вопросы российской юстиции. 2020. № 6. С. 45–53.
13. Мельников С.А. Правовой режим наследования престола в древней Руси IX–начала XVI в. Историко-правовое исследование. М.: Информ-Знание, 2009. 224 с.
14. Мельников С.А. Престолонаследие как фактор эволюции Древнерусского государства. Автореф. дисс. ... д.ю.н. М., 2010. 61 с.
15. Неусыхин А.И. Свобода и собственность в варварских правдах / Проблемы европейского феодализма. М.: Наука, 1974. С. 35–212.
16. Плотникова О.А. Порядок наследования власти в Древнерусском государстве // Власть. 2007. № 10. С. 107–110.
17. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 680 с.
18. Сердюкова Г.С. Реализация квазидинастического принципа наследования при Антонинах // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 206–211.
19. Сокольская Л.В., Анисимов А.П. Проблемы применения правовых обычаев в российской юрисдикции // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 67–70.
20. Старовойтова Е.В. Свойства императорской власти согласно основным государственным законам российской империи 1906 г. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2009. № 2. С. 99–107.
21. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Облиздат, 1998. 672 с.
22. Томсинов В.А. Проблема престолонаследия в России во второй четверти XVIII века / Жидковские чтения. Материалы межвузовской научной конференции. Москва, 2008. М.: РУДН, 2009. С. 152–177.
23. Хутарев-Гарнишевский В.В. Российское императорское престолонаследие в реалиях XXI века // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2021. № 1. С. 110–137.
24. Шайрян Г.П. Законодательное регулирование престолонаследия в российской империи (конец XVIII — начало XX вв.). Автореф. дисс. ... к.ю.н. М., 2014. 26 с.
25. Шайрян Г.П. Неизменный закон о престолонаследии в России и опыт его применения в начале XX века // Международный исследовательский журнал. 2017. № 3. Ч. 2. С. 131–132.

References

1. Alexandrov D.N., Melnikov S.A., Alekseev S.V. (1995) Essays on the history of princely power and co-government in Russia in 9–14th centuries. Moscow: Mosty Press, 114 p. (in Russ.)

2. Avakian S.A. (2020) Draft laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation: is the fourth round coming? *Konstitucionnoe i municipalnoe pravo*=Constitutional and Municipal Law, no. 1, pp. 31–44 (in Russ.)
3. Balkovaya V.G. (2019) Formation of the institute of the head of state in the state law of pre-revolutionary Russia. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*=Education. Science. Academic Personnel, no. 4, pp. 20–24 (in Russ.)
4. Danilova V.Y. (2018) Tacitus and Pliny the Younger on the adoption of emperors. *Vestnik Uzhnoyarskogo gosudarstvennogo yuniversiteta. Sotcialno-gumanitarnye nauki*=Bulletin of the South Ural State University. Social and Humanitarian Sciences, no. 3, pp. 27–32 (in Russ.)
5. Diunov M.Yu. (2022) Assessment of legality of Nicholas II abdication. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Gumanitarnye i sotcialnye nauki*=Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences, vol. 22, no. 2, pp. 16–27 (in Russ.)
6. Kashtanov S.M. (1967) *Russian socio-political history at the end of 14th and first half of 16th century*. Moscow: Nauka, 392 p. (in Russ.)
7. Khutarev-Garnishevsky V.V. (2021) Russian imperial succession in the realities of 21st century. *Zhurnal rossiyskih i vostochoedropeiskih isslelovaniy*= Journal of Russian and Eastern European Studies, no. 1, pp. 110–137 (in Russ.)
8. Kirsanov A.Yu. (2022) Amendments to the Constitution of the Russian Federation: *pro et contra*. *Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD*=Bulletin of Moscow University of Ministry of Internal Affairs, no. 4, pp. 113–116 (in Russ.)
9. Konovalova G.N. (2020) Normative legal agreements and standard-setting acts of courts as new sources of Russian law: analysis through the prism of the rule of law principle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*= Bulletin of Tomsk University. Law, no. 3, pp. 241–246 (in Russ.)
10. Larionova D.A. (2020) The abdication of Nicholas II: historical and legal analysis. *Voprosy rossiyskoi ustitsii*=Issues of Russian Justice, no. 6, pp. 45–53 (in Russ.)
11. Melnikov S.A. (2009) *The legal regime of succession to the throne in ancient Russia 9th-early 16th century*. Moscow: Inform-Znanie, 224 p. (in Russ.)
12. Melnikov S.A. (2010) Succession to the throne as a factor in the evolution of the Old Russian state. Doctor of Juridical Sciences Summary. Moscow, 61 p. (in Russ.)
13. Neusykhin A.I. (1974) Freedom and property in barbaric truths. In: Problems of European feudalism. Moscow: Nauka, pp. 35– 212 (in Russ.)
14. Plotnikova O.A. (2007) The order of inheritance of power in the Old Russian state. *Vlast'*=Power, no. 10, p. 107 (in Russ.)
15. Serdyukova G.S. (2006) The implementation of the quasi-dynastic principle of inheritance under the Antonines. *VestnikSankt-Peterburgskogo universiteta. Istoria*=Bulletin of Saint Petersburg University. History, issue 4, pp. 206–211 (in Russ.)
16. Sergeevich V.I. (1910) Lectures and research on the ancient history of Russian law. Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich, 680 p. (in Russ.)
17. Shayryan G.P. (2014) Legislative regulation of succession to the throne in the Russian Empire (late 18–early 20th centuries). Candidate of Juridical Sciences Summary. Moscow, 26 p. (in Russ.)
18. Shayryan G.P. (2017) The immutable law on succession to the throne in Russia and experience of its application in the early twentieth century. *Miezdunaronyi*

issledovatel'skiy zhurnal=International Research Journal, no. 3, part 2, pp. 131–132 (in Russ.)

19. Sokolskaya L.V., Anisimov A.P. (2020) Application of legal customs in Russian jurisdiction. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*=Law and State: Theory and Practice, no. 1, pp. 67–70 (in Russ.)

20. Staroverova E.V. (2009) Properties of imperial power according to the basic state laws of the Russian Empire of 1906. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo Universiteta. Pravo*=Bulletin of Moscow State University. Law, no. 2, pp. 99–107 (in Russ.)

21. Tikhomirov L.A. (1998) *Monarchical statehood*. Moscow: Oblizdat, 672 p. (in Russ.)

22. Tomsinov V.A. (2009) The succession to the throne in Russia in the second quarter of the 18th century. In: Materials of the scholar conference. Moscow: RUDN Press, pp. 152–177 (in Russ.)

23. Velichko A.V. (2014) Sole power and the Byzantine “multi-kingdom”. *Problemy natsionalnoy strategii*=Issues of National Strategy, no. 1, pp. 182–197 (in Russ.)

24. Zakatov A.N. (2019) Maintaining continuity of supreme power under Empress Catherine II. In: Catherine the Great in Great Russia. Moscow: Academy of Management and Business Administration, 248 p. (in Russ.)

25. Zyzykin M.V. (1924) *Tsar power and the Law on Succession to the Throne in Russia*. Sofia: Novaya zhizn', 190 p. (in Russ.)

Информация об авторах:

С.И. Нагих — кандидат юридических наук, профессор.

И.А. Шершнева-Цитульская — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

S.I. Nagikh — Candidate of Sciences (Law), Professor.

I.A. Shershneva-Tsitulskaya — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted to editorial office 25.07.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 02.10.2023.